

ПОПАДАНЦЫ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

АНДРЕЙ ГОНЧАРОВ

ЧИСТО ЦАРСКОЕ УБИЙСТВО

Ближайшие друзья – гнездо предателей.

Попаданцы специального назначения

Андрей Гончаров

Чисто царское убийство

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончаров А. А.

Чисто царское убийство / А. А. Гончаров — «Эксмо»,
2016 — (Попаданцы специального назначения)

ISBN 978-5-699-91207-0

Трое оперативников специального назначения во главе с Кириллом Угловым в очередной раз заброшены в XVII век, где им предстоит расследовать обстоятельства странной гибели Петра Первого: умер царь своей смертью или же был убит. Сыщик Кирилл Углов узнает от лейб-медика Петра, что царь мог быть отравлен мышьяком. Денщик царя проговаривается, что царь ел конфеты, которые ночью принесла какая-то красивая девушка. Часовой, пропустивший ее в царские покои, был найден мертвым в сундуке с одеждой. Версию с девушкой подтверждает также императрица Екатерина: она видела эту барышню в доме у какого-то вельможи. Имя и нахождение этого вельможи теперь и предстоит выяснить оперативной группе. Но самое главное – при этом не выдать себя, не вызвать подозрений своей речью, манерами и поведением и благополучно вернуться в свое время...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91207-0

© Гончаров А. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Гончаров

Чисто царское убийство

© Гончаров А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Лейб-медик его императорского величества Иван Блюментрост вышел из комнаты царя и поспешно закрыл за собой дверь. Ему, врачу, нехорошо было в этом признаваться, но он уже сил не имел далее находиться в том смраде, который стоял около постели больного императора. А ведь Иван Лаврентьевич уже две недели не отходил от постели больного.

Первым человеком, которого лейб-медик увидел в коридоре, была, конечно же, государыня императрица Екатерина. Тоже мученица, проводившая у постели больного даже больше времени, чем сам доктор Блюментрост.

– Что, как он? – спросила государыня.

– При проведении операции мучился сильно, кричал, – ответил доктор. – Сей же час, смею надеяться, наступило улучшение, хоть и слабое. Царь заснул.

– Хорошо, я посижу с ним, – сказала Екатерина и зашла в комнату.

Не успел лейб-медик сделать еще два шага по коридору дворца, как из-за поворота показался еще один человек, не отходивший от Петра во время его болезни. Это был светлейший князь, кавалер ордена Белого орла, до недавнего времени губернатор петербургский Александр Данилович Меншиков.

Он задал Блюментросту тот же вопрос, что и Екатерина:

– Как государь?

– Его величеству стало лучше. Он заснул. У постели больного сейчас находится императрица Екатерина.

Светлейший князь сообщил лейб-медику, что тоже проводит Петра, и скрылся за дверью.

Меншиков вошел в комнату, приблизился к постели императора, наклонился, некоторое время вглядывался в его лицо, затем подошел к Екатерине, сел рядом с ней и произнес:

– Больно, государыня императрица! Сил нет, как горестно видеть жалкое положение, в котором пребывает великий государь!

Екатерина ничего не ответила, только молча взглянула на светлейшего и кивнула. Супруга императора Петра, урожденная Марта Скавронская – а может, и не Скавронская, а Веселовская, кто их разберет в этой Ливонии, – не отличалась болтливостью. Не был замечен за нею и такой недостаток, как острый ум – большая беда у женщин! – или злой язык. Зато императрица была известна своим природным тактом и знанием людей.

– Больно видеть такое положение! – продолжил Меншиков. – Но еще тяжелее сознавать, что в подобном ничтожестве и вся Россия пребывать будет, ежели государь не осилит болезнь и падет!

– Отчего же Россия будет пребывать в ничтожестве? – спросила Екатерина. – Разве наша армия не остается сильной? Все корабли разом потонут, оттого что не станет флотоводца? Подданные не будут верны императорской короне?

– В том-то и дело, матушка императрица! – воскликнул светлейший князь. – Армия ослабеет без полководца, флот не выйдет из гаваней, и поданные разбегутся! Ведь наши супостаты чего добиваются? На что надеются? Они хотят возвести на престол царевича Петра Алексеевича, сына покойного Алексея Петровича. А сей отрок, как ты сама знаешь, весьма юн, ему десять лет всего. Стало быть, править будет не он, а Долгоруковы, Голицыны да монашка Евдокия, в прошлом супруга нашего государя. А она...

– Молчи, князь, ни слова более! – прервала Екатерина речь вельможи.

Слова Меншикова, как видно, произвели сильное воздействие на императрицу. Эта женщина, обычно весьма сдержанная, встала и в волнении принялась ходить по комнате.

– Да, ты прав, я вижу, – произнесла она. – Евдокия, Долгоруковы!.. Нет, такого я никак не могу допустить! Какое им дело до армии, до новых кораблей? Все захиреет!

– В полном небрежении будут не только армия и флот! – подхватил светлейший. – Ведь им все преобразования императора ненавистны! Они все хотят сделать так, как покойный Алексей Петрович замыслил! А ему все начинания отца противны были. Он, вслед за погаными раскольниками, Петра антихристом почитал! Если Евдокия с Долгоруковыми верх возьмут, то все назад пойдет. Опять велят бороды отращивать, поклоны перед дворцом бить. Да что там! Им и счет лет от Рождества Христова не нравится, опять от сотворения мира числить начнут. А там, может, и славный град Петров скрыть повелят.

– Нет, это ужасно. Слышать о том не хочу! – резко сказала Екатерина. – Но что же делать? Я не вижу выхода!

– Зато я вижу, – заявил Меншиков. – Тебе надо встать во главе государства, матушка императрица!

– Но как же я могу встать во главе, пока Петер жив? – спросила Екатерина. – Это ведь будет изменой. Я даже помыслить такого не могу. – Она указала на кровать, где лежал император.

Грудь его слабо поднималась и опускалась. Лицо выражало страдание. Глаза были плотно закрыты.

– Он есть великан, а я – слабое деревце, растущее в его тени. Или можно употребить такое сравнение: он есть Солнце, я же при нем – лишь Луна, которая отражает его блеск. Сама же я светить не могу.

– Все мы таковы! – воскликнул Меншиков, вставая вслед за Екатериной. – Мы все, дворянство, служилый люд, – суть птенцы Петровы. И покуда император наш жив, мы и помыслить не можем об умалении его величия. Но веришь ли ты уверениям докторов о том, что здоровье государя идет на поправку? Положа руку на сердце – веришь? – Екатерина молчала. – Вижу ответ на твоём лице, – продолжил светлейший. – Мы должны готовиться к самому худшему. Теперь нам нужно думать о том, как продолжить дело Петра. И путь к этому только один: власть в империи должна перейти к тебе.

– Однако в России еще не случалось такового, – заметила Екатерина. – Князь Голицын мне говорил, что полки откажутся приносить присягу женщине и мужики в деревнях бунт учинят.

– А ты князя не слушай, – посоветовал Меншиков. – Он свою выгоду блюдет, в совет при малолетнем Петре Алексеевиче попасть хочет. Ты меня слушай, что я скажу. Я говорил с Бутурлиным, командиром Преображенского полка, и с офицерами тоже беседы имел. Все они в один голос мне сказали: гвардия не признает на троне никого, кроме великой государыни Екатерины, которую сам Петр сделал своей супругой и императрицей. А главная сила – это гвардия. Как она скажет, так и будет.

– Но ведь есть еще дочери Ивана, брата Петра, – заметила Екатерина. – Анна, Прасковья, Екатерина Мекленбургская. У них тоже имеются права на престол.

– А я тебе повторю уже сказанное. Гвардия не признает ни одну из них, – отвечал светлейший. – Они об этом знают и бороться за трон не станут. Нет, у нас есть только один серьезный противник – это приверженцы покойного изменника Алексея. С их стороны возможны всякие каверзы и измены. Я даже вот что допускаю, матушка. Вдруг это они, Долгоруковы да Голицыны, подсыпали императору какого-нибудь яду, чтобы усилить почечную болезнь и тем свести его в могилу?

– Да ты что такое говоришь, князь?! – воскликнула Екатерина. – Это же сущая измена! За такое злодейство лютая смерть положена!

– Так оно и есть! – Меншиков кивнул. – Ежели такое доказать, то, знамо дело, будет им смерть. Только дознаться того трудно. Я докторов спрашивал, они только плечами пожимают,

следов отравления не видят. Ну да ладно. Нам бы только власть твою установить, а там мы розыск проведем как надо. Значит, у нас сегодня двадцать пятое января. Надо готовить гвардию к выступлению в ближайшие дни – завтра или на сутки позже. Я этим займусь. А ты, матушка, будь тверда и во всем положишься на меня. Не отступишься от того, о чем мы сейчас говорили?

– Нет, не отступлюсь, – твердо сказала Екатерина. – Ежели супруг и господин мой скончается, то я готова буду воспринять власть. Только... Ой, что это?! Кто там?!

Лицо Екатерины исказилось. Она с ужасом показывала в угол комнаты. Меншиков стремительно обернулся в ту сторону, одновременно нашаривая на поясе эфес шпаги. Он думал увидеть в углу затаившихся шпионов, лазутчиков противной партии. Но светлейший углядел совсем другое: нечто вроде мужской фигуры, размытой и при этом совершенно голой. Впрочем, видение продолжалось всего один миг. Затем оно растаяло и исчезло. Угол комнаты опустел.

– Что же это такое было, князь? – дрожащим голосом спросила Екатерина. – Я ясно видела голого мужика, который внимательно слушал наш разговор, а затем пропал.

– Да, мне тоже такое показалось, – подтвердил Меншиков. – Знаешь, что я тебе скажу, матушка? Это не иначе как сам дьявол нас пугает. Слышит, как мы правое дело задумали, и страшит. Но нас не собьешь! Сотворим молитву и будем в намерении нашем стоять твердо!

Глава 2

– Говорил я, заметят, так оно и вышло! – воскликнул Ваня, едва хроногенератор закончил свою работу и член оперативной группы полностью вернулся в свое время. – А вы все твердили: «Ничего, обойдется».

– Я и сейчас скажу, что ничего страшного не произошло, – заявил руководитель проекта «Хронос» Николай Волков. – Что они там за секунду могли увидеть? Какую-то тень. Наверняка приняли за привидение. Кто там, кстати, был?

– Екатерина, жена Петра, и Меншиков, – отвечал Ваня.

– Вот как? – воскликнул Кирилл Углов, возглавляющий оперативную группу. – О чем же они говорили?

– О том, кто займет трон после смерти Петра. Меншиков уговаривал Екатерину стать императрицей, обещал ей поддержку гвардии. Но самое интересное не это. Такое в учебниках прочесть можно. Важны другие слова Меншикова. Знаете, что он сказал? Мол, сторонники воцарения Петра Алексеевича могли отравить императора! Прямо готовую гипотезу для расследования нам предложил!

– Вот видишь! – воскликнул научный руководитель проекта Григорий Соломонович Нойман. – А ты еще сомневался, стоит ли затевать такое мероприятие!

Этот разговор происходил в помещении петровского Зимнего дворца, той части Эрмитажа, которая была возведена еще при жизни великого императора. Здесь он жил и умер. Специалисты несколько недель тщательно вычисляли, где именно стояла кровать Петра, в каких помещениях жили слуги. Это делалось для того, чтобы заслать в прошлое одного из членов группы чуть раньше остальных. Он мог бы присутствовать при последних минутах жизни императора.

Эта идея принадлежала Николаю Волкову, возглавлявшему проект «Хронос», и научному руководителю Григорию Нойману. Кирилл Углов, командовавший оперативной группой, то есть теми людьми, которые непосредственно путешествовали во времени, после некоторых колебаний поддержал такую мысль.

Послать они решили именно Ваню Полушкина, который мог неплохо чувствовать эмоциональное состояние других людей, обладал тем, что называется эмпатией. Согласно замыслу руководства, он должен был подсмотреть, что делается у кровати больного Петра.

В случае удачи Иван мог увидеть, как убийца давал императору яд. Но даже если ничего такого лазутчик не заметит, он сможет подслушать разговоры у постели больного. Пользуясь своими способностями, Полушкин определит, кто из приближенных Петра обманывает царя, а кто говорит правду. Теперь, когда лазутчик вернулся, можно было оценить, насколько удачен оказался этот проект.

– Значит, Меншиков подозревает приближенных юного Петра Алексеевича в заговоре с целью убить императора? – уточнил Нойман. – А он сам-то что говорил?

– Меншиков все время твердил о том, что сторонники покойного Алексея Петровича уничтожат все завоевания императора, – объяснил Ваня. – Мол, армия и флот захиреют, подданные разбегутся и бороды опять начнут отращивать. Петербург перестанет быть столицей. В этом он, кстати, прав. Как в воду глядел. Когда в тысяча семьсот двадцать седьмом году на престоле оказался Петр Второй, столица была перенесена в Москву.

– Насколько же светлейший князь был искренен? – спросил Углов. – Можешь оценить?

– Пожалуй, могу. Я, правда, далеко от них стоял, за ширмой. Иначе они заметили бы меня. Но даже на таком расстоянии я обычно хорошо чувствую других людей. Так вот, Меншиков говорил о грозящем упадке армии и флота с настоящей болью. Когда Екатерину угова-

ривал стать императрицей, не врал. Он действительно считает ее лучшим выбором для России. Так что князя Меншикова мы уже сейчас можем исключить из числа подозреваемых.

– Вот он, главный результат твоей засылки в прошлое! – воскликнул Нойман. – Вы сразу получаете направление для работы. Вам не нужно будет гадать, кем стоит заниматься, а кто сможет вам помочь. А ведь это ваше задание – особенно сложное, тут каждая мелочь важна.

– Да уж, не говорите, – согласился Игорь Дружинин, третий член оперативной группы.

Он меньше всех хотел отправляться в ту давнюю эпоху и выглядел подавленным с того самого дня, как им была поставлена новая задача.

Это произошло давно, ровно за год до того, как Ваня появился в спальне умирающего Петра. Тот день был памятен всем оперативникам. До этого они долго гадали, куда им придется отправиться: в конец восемнадцатого века, выяснять обстоятельства убийства императора Павла Первого, или в эпоху СССР, расследовать причины гибели Фрунзе под ножом хирурга. Почему-то никто не думал о Петре Великом как возможном объекте расследования. Так что задание стало для них совершенной неожиданностью.

Григорий Соломонович сформулировал его следующим образом:

– Вам надо будет отправиться в тысяча семьсот двадцать пятый год и выяснить обстоятельства смерти императора Петра Великого. Он умер от воспаления мочевого пузыря и последовавшей гангрены или же кто-то помог его болезни обостриться? Вы можете спросить, почему вообще возникли сомнения в естественной причине смерти Петра? Отвечу: прежде всего потому, что император с детства отличался богатырским здоровьем. Он и по сложению был великаном – рост двести три сантиметра. Всегда много двигался, легко переносил физические нагрузки, был привычен к холоду. Кстати, медицина того времени вовсе не была такой уж отсталой, как кто-то думает. Врачи быстро и правильно определили болезнь Петра – сужение мочеиспускательного канала. Они нашли верный способ лечения, вставили больному катетер, и ему стало лучше. А впоследствии Петр, который все любил делать сам, научился оказывать себе первую помощь. Откуда же гангрена? Неужели только от простуды? А не действовал ли на организм царя какой-то яд, например простой мышьяк, который убивает медленно, но верно? У царя было очень много тайных недоброжелателей и явных врагов. В его смерти были заинтересованы могущественные силы как внутри России, так и за ее пределами. Внутри – это, конечно же, в первую очередь представители старых боярских родов, группировавшиеся вокруг бывшей жены Петра Евдокии Лопухиной. Она была по воле царя пострижена в монахини, но продолжала следить за событиями в стране. Евдокия не простила Петру смерть своего сына Алексея. Он был обвинен в измене и, по преданию, замучен самим отцом. Затем, это старообрядцы, объявившие Петра Антихристом. И, наконец, разного рода казнокрады, которых Петр безжалостно карал. А внешние враги – в первую очередь, конечно, шведы, которые не простили императору поражения в Северной войне. Не надо забывать и об австрийском императоре Карле Шестом. Он отдал свою дочь Шарлотту за Алексея. Она родила сына и вскоре после этого умерла. Так что наш Петр Второй приходится ему внуком.

– Хорошо, это мы поняли, – сказал Дружинин. – Но почему руководство нашей страны заинтересовал именно Петр Великий? Ведь его смерть отделяют от нашего времени целых три столетия!

– В тех расследованиях, которые мы проводим в рамках проекта «Хронос», время не так важно, – отвечал научный руководитель проекта. – Гораздо важнее масштаб личности, размах деятельности. А кто из русских царей может сравниться с Петром по глубине преобразований, по своим достижениям? Нет такого. Нам надо понять, откуда может ожидать угрозы руководитель страны, решившийся на глубокие и быстрые преобразования, изнутри или снаружи? От тех сил, которые были изначально враждебны ему, или, так сказать, от своих? Вот на эти вопросы вам и придется ответить. Но, я смотрю, Игоря Сергеевича предстоящее задание не

радует. В чем причина, можно узнать? Личность Петра вам не нравится? Или поставленные задачи не совсем ясны?

– Да, задание меня не радует, – согласился Дружинин. – Дело не в Петре. К нему-то я как раз отношусь с большой симпатией. Задачи нормальные, вполне понятные. Дело в самой эпохе. Уж больно она от нас далека. Там все другое – дома, дороги, обычаи, психология людей и даже русский язык. Те мои знания, которые нас так выручали при выполнении первых двух заданий, здесь совершенно не востребованы. Я толком не понимаю, что нам будет нужно, не смогу помочь группе в таком важном деле, как добыча денег. Какие в начале восемнадцатого века инженерные расчеты, которые я умею делать, кому они нужны? Так и со всем остальным.

– Тут вы, батенька, и правы, и нет, – сказал Нойман. – Да, та эпоха сильно отличается от нашей. Да, вам придется заново учить язык, обычаи, титулование. Очень тщательно надо продумать вашу легенду, чтобы не попасть впросак. Но в начале восемнадцатого века инженеры тоже были востребованы. Правда, в те времена они могли найти заказчиков не в России, а других странах, где промышленность была развита гораздо лучше.

– Значит, сразу после переброски мне придется отправиться в Англию? – начал догадываться Дружинин.

– Да, лучше всего в Англию, – сказал Григорий Соломонович. – Только вы туда отправитесь не после переброски, а до нее. Мы вас оттуда, из туманного Альбиона, будем в прошлое перекидывать. Сначала привезем в посольство, потом и отправим. Там вы сможете заработать деньги для группы, например, проведете расчеты для какой-нибудь верфи. Кстати, это место переброски удобно еще тем, что оно хорошо сочетается с вашей новой легендой.

– И какая же у нас будет теперь легенда? – спросил Углов.

– Легенда вот такая, – вступил в разговор руководитель проекта полковник Волков. – Петр, как известно, отправлял за границу многих дворян, чтобы они обучались там разным наукам. Вот вы и станете такими персонажами. Их еще называли Петровскими пенсионерами, потому что им было положено денежное содержание, пенсия от государя. Ты, Кирилл Андреевич, поедешь в Англию для изучения судопроизводства и сыскного дела – как раз по твоей профессии. Игорь, понятно, будет обучаться там же инженерным наукам. А вот Ваня отправится в Италию, учиться «парсуны делать».

– А, я знаю, что это! – воскликнул Полушкин. – Парсуны – значит персоны, или портреты.

– Ну да, – Волков согласно кивнул. – Ты вернешься на родину мастером-живописцем.

– Скажите, а я понарошку буду художником или и в самом деле чему-то научусь? – спросил Ваня. – Понимаете, мне всегда хотелось уметь хорошо рисовать, да как-то не очень получалось. Теперь, если нужно, я с удовольствием этим займусь.

– Почему бы и нет? – Руководитель проекта пожал плечами. – Будет у тебя такая возможность. Побываешь в Италии, встретишься с мастерами.

– Конечно, ты попадешь не в пятнадцатый век, так что ни с Леонардо, ни с Рафаэлем не увидишься, – добавил Григорий Соломонович. – Но в Италии и в восемнадцатом веке жили известные мастера – Тьеполо, Креспи. А еще в это время туда приезжал учиться Рубенс. Возможно, ты с ним встретишься.

– Вот было бы здорово! – воскликнул Ваня.

– Да, но все это произойдет только в том случае, если Игорь сумеет заработать для тебя деньги на поездку, – заметил Волков. – Потому что ты будешь не Петровский пенсионер, а дружининский.

– Ладно, Ваня, не бойся, я заработаю, – с улыбкой проговорил Дружинин.

– А возвращаться мы тоже из Англии будем? – уточнил Углов. – Это может оказаться трудно. В те времена туризма не существовало.

– Нет, возвращаться будете из Питера, – сказал Нойман. – Этот момент мы уточним позже. Да, учтите еще вот что. Вы перенесетесь не в январь тысяча семьсот двадцать пятого

года, когда умер Петр Великий, а в несколько более раннее время. Скажем, в ноябрь двадцать четвертого. Этот запас вам дается для того, чтобы Игорь успел заработать деньги для группы, Ваня смог бы побывать в Италии, а потом вы все смогли бы добраться до Петербурга.

– С этим проектом все будет обстоять немного иначе, чем с предыдущими, – сказал Волков. – Игорь прав. Та эпоха действительно очень далека от нас. Конечно, не так, как времена Ивана Грозного, но в ней все другое. Поэтому времени на подготовку мы вам отпустим больше. Надо, чтобы вы глубоко прониклись духом той эпохи, буквально влезли в нее. Книги по истории того времени будете читать, с персонажами заочно знакомиться. Потом Григорий Соломонович у вас зачет примет, чисто как у студентов. Особенно важен язык. Если вы попадете в то время и будете говорить так, как привыкли здесь и сейчас, то сразу себя выдадите.

– Правда, поначалу у вас будет некоторое оправдание для всяких ошибок в речи, – заметил Нойман. – Вы всегда сможете сказать, что, мол, долго жили в других странах, вот и отвыкли.

– Так вы еще и поэтому решили нас за границей в прошлое перебросить? – догадался Дружинин. – Чтобы мы сразу, в первые же дни, не засыпались?

– Ну да, – подтвердил Волков. – Правда, теперь вам еще и английский придется заново учить. В начале восемнадцатого века он тоже отличался от современного. Но не настолько, как русский. У нас различий гораздо больше.

Подготовительный период для оперативной группы в результате оказался вдвое длиннее, чем в прошлые два раза. Он длился почти год. Оказалось, что руководитель проекта нисколько не шутил, когда говорил о зачетах и экзаменах для путешественников в прошлое. Им действительно пришлось показывать свои знания Волкову и Нойману.

Зато после этого их ожидала приятная минута. Двоим из них были присвоены очередные воинские звания. Углов стал подполковником, Дружинин – майором. Ваня Полушкин с этого дня числился младшим лейтенантом.

Они уже думали, что через несколько дней поедут в Англию, чтобы оттуда стартовать в прошлое, но тут Нойман объявил, что их ожидает еще один неожиданный момент. Речь шла о заброске Вани в спальню умирающего царя Петра, в день 25 декабря 1725 года.

Члены группы еще раз подробно обсудили все, что Ваня услышал и увидел в спальне императора, и стали готовиться к отъезду за рубеж. В один из осенних дней 2015 года они сели в самолет, отправляющийся в Лондон. Правда, в их документах конечным пунктом назначения была указана Бразилия. Это было сделано для того, чтобы английские пограничники спустя какое-то время не задались резонным вопросом: мол, куда же делись три человека, прибывшие в столицу Соединенного Королевства, но никуда оттуда не выезжавшие? Правда, в Бразилию, «где очень много диких обезьян», им тоже не было суждено попасть. Их ждала совсем другая страна.

Глава 3

В ночь на 28 января 1725 года на Васильевский остров один за другим тянулись нарядно украшенные возки и сани, везшие по льду вельмож. Мостов через Большую Неву в ту эпоху не было. Тогда ни у кого не возникало даже мысли о том, что можно перебросить их через такую могучую реку. Потом сани взбирались на берег и направлялись к недавно возведенному зданию, в котором располагался Правительствующий сенат.

Впрочем, в эту ночь в зал заседаний прибыли не только девять его членов. Здесь находились также генерал-прокурор Павел Ягужинский, обер-прокурор Воейков, члены Святейшего синода и армейские генералы. Зал был ярко освещен и заполнен до отказа людьми в париках и дорогах камзолах.

Такое многолюдство было понятно. Органу власти, на тот момент верховному, предстояло принять небывалое по важности решение о наследнике престола. Большинству важных персон, собравшихся в зале, уже было известно самое главное. Император Петр умирал. Он уже исповедовался и причастился Святых тайн. Государя перенесли из спальни в главный зал дворца, чтобы придать торжественности сему моменту. Кто еще не знал этих подробностей, тот спешно расспрашивал о них знакомцев, информированных лучше. Поэтому в зале заседаний стоял сдержанный говор.

Шум смолк, когда со своего места поднялся канцлер граф Гавриил Иванович Головкин. Он открыл это ночное заседание по должности, а также по старшинству лет. Ему шел уже седьмой десяток.

– Все вы знаете, судари мои, для чего мы собрались в сей неурочный час и в таком множестве, – начал он свою речь. – Государь наш, великий и славный император Петр Алексеевич, находится на смертном одре. Как единодушно говорят все доктора, надежды на выздоровление нет никакой. Он едва ли протянет до утра. Империя же наша не может находиться без главы. Нам, верховным лицам, отвечающим за порядок в государстве, надлежит в соответствии с законами назвать имя нового императора. Прошу высказываться.

Едва канцлер сел, поднялся сенатор князь Василий Владимирович Долгоруков.

– Все правильно сказал Гаврила Иванович! – заявил он. – Империя не может оставаться без главы, как и любой человек. А сомневаться в том, кого избрать, какое имя назвать, нам не приходится. Есть только один законный наследник, член семьи Романовых в мужеском колене. Это царевич Петр, сын Алексея, внук нашего славного государя. Все русские люди примут на троне только его! Давайте скорее назовем имя нового владыки нашего и принесем ему присягу! Скажем громко: «Императору Петру виват!»

Ответом на его речь стали дружные голоса, поддержавшие князя. Некоторые из участников заседания начали вставать, чтобы приветствовать нового императора.

Но тут поднялся старик, сидевший на углу стола. Это был граф Петр Андреевич Толстой. Он руководил Преображенским приказом, ведавшим делами по политическим преступлениям, и Тайной канцелярией его величества, однако сенатором не был и не мог выступить первым. Формально Петр Андреевич должен был бы говорить в самом конце. Однако этот опытный царедворец многое видел на своем веку и понял, что медлить нельзя.

– Рано нам «виват» кричать! – внушительно произнес руководитель сыскной службы. – Сперва надо принять решение, сообразное с высочайшей волей императора Петра. А закон на этот счет имеется. Государь его еще три года назад издал. «Указ о престолонаследии» называется. Согласно этому документу, прежний порядок, когда трон наследовал старший потомок царя по мужской линии, отменяется. Новым государем станет тот, кого прежний назначит.

– Правильно! – воскликнул сенатор князь Петр Алексеевич Голицын. – Все верно ты говоришь, граф Петр Андреевич. Вот только нет у нас назначенного государя. Не успел царь

Петр, будучи в ясном уме, назвать своего преемника. Он уже не сделает этого, поелику в сознание более не приходит. Стало быть, указ тот, на который ты ссылаешься, здесь не годится.

– Врешь, князь! – зло произнес Толстой. – Непотребное говоришь! Все знают, кого наш император считал своим преемником, точнее преемницей. Супругу свою законную, императрицу Екатерину! Он для того и сочетался с нею церковным браком, короновал ее, чтобы она ему после смерти наследовала. Петр о том говорил неоднократно, и та мысль его всем ведома. А вы с Василием Долгоруковым тянете на трон недоросля, сына изменника Алексея, дабы при нем свою власть учинить!

– Да как ты можешь на меня такую напраслину возводить?! – гневно воскликнул Голицын. – Вот взойдет на трон законный наследник, пожалеешь о своих словах! Никак нельзя призвать на трон женщину низкого происхождения и иноземного племени. Всем ведомо, что царь Петр взял Марту Скавронскую из подлого сословия, из грязи вынул! Нам русский человек на троне надобен!

– Хула на императрицу! Поругание супруги нашего государя! – воскликнул светлейший князь Меншиков. Любимец Петра до сего времени молчал, держался так, словно его и не было в зале, только сейчас вошел. – Сии слова есть крамола! Слово и дело государево за мной! Вязать его, изменника!

– Так и сделаем, князь! – отозвался со своего места генерал-прокурор Ягужинский. – Учиним дознание, спросим, зачем такие поносные слова про императрицу говорил!

– Вы все, которые вокруг Екатерины собрались, нашей крови хотите! – воскликнул Долгоруков. – Да что напрасно речи вести, время тратить! Давайте, судари, решать. Возвысьте голос, кто готов сейчас присягнуть нашему законному государю, сыну Алексея Петровича!

Ответ не заставил себя ждать. Со всех концов зала раздались крики одобрения. Сенаторы, генералы, члены Синода, желавшие видеть на престоле молодого царя Петра, вскакивали со своих мест и кричали: «Виват император Петр!» Голоса сторонников Екатерины тонули в этих возгласах. Их было явно меньше.

Внезапно среди криков одобрения раздался какой-то новый звук, доносившийся из-за окон. Шум быстро смолк, все прислушались. В наступившей тишине стал ясно слышен грозный бой множества барабанов.

– Это что такое?! Войска здесь, под окнами Сената?! Кто разрешил?! – воскликнул президент Военной коллегии князь Репнин.

Ему никто не ответил. Вдруг раздался грохот, заглушивший даже барабанный бой. Он доносился от входной двери, перед началом заседания запертой на засов, чтобы никто не мешал.

Грохот повторился, дверь распахнулась, и в зал ворвались солдаты и офицеры гвардейского Преображенского полка. На лицах у них читалась решимость, даже какая-то свирепость. Солдаты держали в руках ружья, а офицеры – обнаженные шпаги.

Ворвавшись в зал, преображенцы прошли вдоль стен и окружили заседающих вельмож.

Командир полка генерал-аншеф Иван Бутурлин, приведший их, громко возгласил:

– Армия ждет, когда будет названо имя законной государыни императрицы Екатерины Алексеевны!

– И знайте, господа сенаторы, мы не уйдем, пока славная Екатерина не получит трон! – поддержал своего командира один из офицеров.

– А кто против говорить будет и препоны учинять, тому голову размоzzим! – добавил его товарищ.

Князь Аникита Репнин не испугался этих угроз.

Этот опытный военачальник, которого высоко ценил император Петр, смело подошел к Бутурлину и спросил:

– Кто смел без моего ведома привести сюда полки? Разве я не фельдмаршал?

Командир гвардейцев так же резко ответил:

– Полки призвал я по воле императрицы Екатерины, которой все подданные обязаны повиноваться! Не исключая и тебя, фельдмаршал!

На мгновение воцарилась тишина. Противники Екатерины понимали, что угрозы гвардейцев были не пустым звуком. Солдаты и офицеры в любой момент могли от слов перейти к делу.

Александр Данилович Меншиков понял, что никто больше не осмелится протестовать против новой императрицы, и громко возгласил:

– Виват Екатерина! Виват императрица русская! Давай, Анисим, исполняй свой долг, начинай голосование! Опроси членов Правительствующего сената и Священного синода, кто готов сей момент присягнуть матушке императрице.

Обер-секретарь сената Анисим Щукин, который обычно вел заседания и подсчитывал голоса, откашлялся и спросил:

– Апухтин Василий Андреевич, за какое решение свой голос отдашь?

Генерал-квартирмейстер Апухтин обвел глазами вельмож, сидящих за столом, взглянул на преображенцев, стоявших вдоль стен, на их решительные, свирепые лица и произнес:

– Полагаю, что следует возвести на престол императрицу Екатерину Алексеевну.

– Браво, молодец! – одобрил такое решение Меншиков.

Секретарь меж тем выкликал следующего сенатора.

Когда очередь дошла до князя Василия Долгорукова, возникла пауза. Примерно в течение минуты тот не мог произнести ни слова. Он несколько раз открывал рот, собирался что-то сказать и никак не мог.

Меншиков уже сделал знак секретарю, чтобы тот вызвал следующего члена собрания, но тут самый известный сторонник молодого Петра Алексеевича наконец-то выговорил:

– Ладно, чего уж там. Пусть будет Екатерина.

Услышав эти слова, Меншиков усмехнулся, отошел в сторону и заговорил о чем-то с Бутурлиным. Дальнейшее голосование уже было простой формальностью.

Так оно и вышло. За какие-то десять минут все вельможи, имеющие право голоса, были опрошены и единодушно высказались за Екатерину. В зале раздалось дружное троекратное «Виват Екатерина!». После этого вооруженные гвардейцы начали выходить оттуда. После некоторой паузы за ними потянулись и участники заседания.

Светлейший князь Меншиков испытывал сильнейшую усталость. Он словно целый день помогал государю Петру доски носить, корабль строить. Не раз бывало такое в давние годы.

Александр Данилович тоже направился к двери, но тут к нему подошел незнакомый дворянин в щегольском камзоле иноземного покроя, в коротком парике. На вид этому человеку было лет тридцать пять, может, чуть больше. Глаза стального цвета смотрели уверенно.

– Прошу простить, что беспокою ваше сиятельство в столь важный момент, – сказал незнакомец. – Но я имею к вам столь же важное дело.

Речь незнакомца была так же непривычна, как его короткий парик и иноземный камзол.

– Кто таков? – спросил Меншиков. – Что за дело? Говори скорей, мне к императрице успеть надобно.

– Если позволите, я вас до дворца сопровожу, по дороге все и изложу, – предложил незнакомец.

– Что ж, давай иди к саням, – сказал светлейший.

Александр Данилович немало подивился речи неизвестного дворянина. Самым странным в ней было диковинное обращение на «вы». В эпоху, когда даже рядовые солдаты, обращаясь к императору, говорили: «Ты, государь», это задевало слух.

«А что, правильно он делает, – подумал Меншиков. – Надо этот обычай перенять. Нечего низшим к высшим как к скоту обращаться. Над этим стоит подумать».

Они уселись в сани. Возница князя направил лошадей к дворцу.

Незнакомец не стал дожидаться вопросов, заговорил сразу:

– Зовут меня Кирилл Углов. Происхожу из дворян Орловской провинции. Четыре года назад был послан императором Петром в Англию, для обучения сыскному делу и ведению судопроизводства. Оба этих предмета я полностью превзошел, о чем имею сертификаты, выданные лордом-канцлером Английского королевства. Теперь вернулся в Отечество для прохождения службы.

– Это все хорошо, – отвечал Меншиков. – Но зачем ко мне обращаться? Если ты по сыскному делу, тебе к графу Толстому Петру Андреевичу идти надобно.

– Я непременно обращусь к графу, – сказал Углов. – Я, собственно, и пришел на заседание, чтобы переговорить с ним, поскольку в Тайной канцелярии мне сказали, что граф здесь. Но у меня к вам, светлейший князь, особая мысль есть, относящаяся до болезни нашего государя. Она вот какая. Я вернулся в Санкт-Петербург неделю назад. Находясь здесь, я непрерывно слышал рассуждения о возведении на престол царевича, сына Алексея, о грядущем возвышении князей Долгоруковых и вот к какому сомнению пришел. А вдруг эти самые Долгоруковы болезни нашего императора и способствовали? Не учинили ли они какого зла здорovou великого государя? Надо бы о том розыск провести. Я мог бы это дело на себя взять; на то мне наука английская зело пригодится.

Светлейший князь круто развернулся на скамье и во все глаза уставился на приезжего. Дворянин Углов говорил ровно те самые слова, которые сам князь совсем недавно произнес в разговоре с Екатериной!

– Что? – внезапно охрипшим голосом произнес светлейший. – По-твоему, сами Долгоруковы могли известить Петра? Ты можешь раскрыть этот их воровской умысел?

– Я не говорю, князь, что обязательно раскрою, – проговорил Углов. – Но попытаться можно, даже нужно.

– Это славно! – сказал Меншиков, вновь откидываясь на подушки сиденья. – Надобно было бы тех воров на свет вывести! Так ты от меня «добро» на такой розыск получить хочешь?

– Именно так, – подтвердил приезжий дворянин. – Покорнейше прошу ваше сиятельство выдать мне бумагу для приказных, воевод и прочих чиновников, в каковой предписывалось бы мне препятствий в расследовании не чинить, а всячески способствовать. Да и помещение какое неплохо бы иметь. Мы с братом пока на постоялом дворе обретаемся, а там дорого, да и нечисто.

– Это я сделаю. Будешь иметь и бумагу, и помещение, – обещал Меншиков. – Завтра же явись ко мне во дворец. Тут каждый знает, где это. Я тебя там же, у себя во дворце, и определю. Места у меня там много. Да, а почему ты сказал «мы с братом»? Что за брат?

– Ваня, меньшой мой, – объяснил Углов. – Он тоже за границей обучался, только не у законников, а у живописцев. Его послали в Италию. Он там парсуны учился писать, свою науку также превзошел. Вот мы с ним вместе и вернулись. Я, конечно, могу его отдельно поселить, квартиру снять с мастерской...

– Нет, не надобно отдельно, – решительно заявил Меншиков. – Живописные мастера мне тоже нужны. Особливо ежели они в Италии науку проходили. Новая императрица на престол взойдет, ее персону и деяния запечатлеть надо будет. Пускай твой брат с тобой живет. Найду ему место под мастерскую и денег дам, чтобы красок купил, холстов, чего еще надобно. И тебе выделю на расследование. Вот мы и приехали. Мне идти надобно. Значит, завтра же подходите оба!

– Непременно будем, ваше сиятельство! – обещал Углов.

Глава 4

Светлейший князь Александр Данилович говорил правду. Его дворец действительно знал каждый житель Петербурга. Усадьба князя Меншикова была построена даже раньше покоев самого царя и стала первым каменным зданием Северной столицы. Когда дворец был возведен, Петр так полюбил его, что проводил в нем больше времени, чем в собственных помещениях.

Княжеский дворец, занявший всю стрелку Васильевского острова, царь называл посольским домом. Он любил принимать там иноземных дипломатов.

Здесь же давались первые в России ассамблеи. В этом здании Петр праздновал свадьбу сына Алексея – кто же знал, что тот окажется изменником? – с Шарлоттой. Позже у Меншикова государь отмечал и бракосочетание своей племянницы Анны Ивановны с герцогом Курляндским.

Да и утверждение Меншикова о том, что дворец его весьма обширен и места в нем для гостей хватит, тоже было правдой. Помимо главного корпуса, где жил сам князь и проходили балы и ассамблеи, тут имелись еще два флигеля. Во дворе стояли многочисленные постройки для слуг и гостей. Многие помещения в них пустовали. Так что жилье для мастера сысского дела Углова и его брата-живописца во владениях Меншикова вполне могло найтись.

Выполняя предписание князя, новоиспеченные братья на следующий день в десятом часу отправились на Васильевский остров. Постоялый двор «Амстердам», где они остановились по прибытии из-за границы, находился на Казанской улице, близ канала. Как мягко определил Углов в беседе с князем, там было нечисто, а говоря по правде, просто грязно. Поэтому путешественники во времени были рады предстоящему переезду.

В тот же день, что и братья, в столицу империи прибыл еще один Петровский пенсионер. Звали его Игорь Сергеев сын Дружинин. Он тоже приехал из Англии, где изучал инженерное дело и работал на верфях в Бирмингеме.

Он приплыл в Петербург на том же корабле, что и братья Угловы, и остановился на постоялом дворе вместе с ними. Разумеется, все это оказалось простой случайностью. В том, что трое русских людей, путешествовавших на голландском судне, познакомились и остановились вместе, не было ничего особенного.

Братья заняли комнату чуть побольше, инженер – другую, поменьше, но такую же убогую. Делать было нечего. С гостиницами в Петербурге в ту пору еще не сложилось.

Через несколько дней, прожитых на постоялом дворе, трое Петровских пенсионеров по-настоящему сдружились и много времени проводили вместе. Правда, в то утро, когда так называемые братья Угловы отправились во дворец князя Меншикова, инженер туда не пошел. Его никто не звал.

По пути к резиденции светлейшего брата не могли не заметить суеты на улицах. Все флаги возле присутственных мест были приспущены и перевязаны черными лентами. Владельцы многих лавок окутывали свои вывески темным крепом. Там и сям собирались кучки людей, которые что-то оживленно обсуждали.

Братья подошли к одной из них, чтобы послушать, о чем там говорят.

– Верно ли, что император Петр Алексеевич скончался? – спросил степенный купец с окладистой бородой у человека во фризовой шинели, по виду – мелкого чиновника.

– Да, сей слух верный, – подтвердил канцелярист. – Вон и пушки в крепости стреляли, и флаг над дворцом приспущен.

– Помяни, Господи, его душу! – с чувством произнес купец, сотворив крестное знамение. – Хотя был государь зело крут, но сколь держава при нем укрепилась! Будет ли так и впредь?

– Должно быть! – заявил третий участник разговора, судя по одежде иноземного кроя и короткой бородке, моряк. – Ведь преемницей Петра будет не кто-то другой, а его супруга, императрица Екатерина! Сегодня с утра все флотские экипажи ей к присяге приводили. И в Кронштадте, мне друзья сказывали, было то же самое.

– И что флотские? – осведомился Углов, тоже решив вступить в разговор. – Охотно ли присягали императрице?

– Не просто охотно, а с великой радостью! – ответил человек с бородкой. – Нам, военному да морскому люду, никого иного на троне не надобно. Все знают, что Екатерина о флоте радеет.

Узнав таким вот образом последние новости и послушав комментарии к ним, братья продолжили путь к дворцу. Дорогой они разговаривали, стараясь, чтобы никто не слышал их.

– Слушай, я только сейчас заметил, что мостовая-то деревянная, – проговорил Ваня.

По дороге он непрестанно вертел головой, оглядывался по сторонам.

– А какая она должна быть, по-твоему? – сказал в ответ Углов. – Каменные только спустя полстолетия появятся. Скажи спасибо, что такая есть.

– Мостовая деревянная, а дома каменные, – не унимался Ваня, рассматривая здание, строящееся на Гороховой улице, по которой они шли. – Я раньше, когда читал про каменные дома в Петербурге, думал, что речь о кирпиче идет. А это, оказывается, и в самом деле камень! Насколько же труднее с ним работать!

– Да, кирпича в империи в это время еще мало было, – сказал Углов.

Он в отличие от меньшого брата старался держаться степенно, головой не вертел.

Когда Ваня совсем остановился возле стройки, стараясь разглядеть все подробности, старший брат сделал ему замечание:

– Да не пялся ты так на все! Обращаешь на себя внимание! Все сразу увидят, что ты приезжий!

– Ну и что тут такого? – беспечно откликнулся Ваня. – Я и в самом деле приезжий. И потом, я ведь живописец, мне и положено по сторонам смотреть. Я, может, вид разглядываю, какой хочу писать. Вот сяду завтра на этом месте да начну рисовать, как Петербург строился.

– Вот тут ты заблуждаешься, – сказал Углов. – В это время в России на пленэре никто еще не работал. Так разве что эскизы делали, а картины писали в мастерских. Тоже мне, Ренуар выискался!

Когда братья прибыли во дворец, шел уже одиннадцатый час. Они доложили лакею, торчащему у входа, о своем прибытии, но тот велел им ждать.

– Светлейший князь подняться еще не изволил, – заявил он. – Ежели его сиятельство вам назначил, то ожидайте в гостиной.

– А что, князь всегда так поздно встает? – спросил старший брат. – Я слышал, что он, напротив, уже с утра на ногах.

Слышать об этом Углов, разумеется, не мог. В Лондоне, а тем более в Бирмингеме, где он жил месяц перед отъездом, мало кто знал о существовании князя Меншикова, а тем более – о его привычках. Но в книгах, которые подполковник изучал перед заброской, говорилось, что князь, как и царь Петр, встает рано.

– Да, по обычаю, светлейший князь раньше солнца поднимается, – подтвердил слуга. – Но то в обычный день. А тут вон какое печальное событие приключилось. Император Петр в эту ночь скончался. Светлейший князь с ним неотлучно находился, только под утро во дворец вернулся и спать лег. Так что ждите. Там, в гостиной, уже много просителей собралось. Вы ступайте туда и сидите.

Братья вошли в гостиную и обнаружили там десятка три мужчин разного звания. Больше всего было молодых дворян. Как видно, они пришли просить светлейшего князя о продвижении по службе. Тут сидели и стояли вдоль стен вельможи в камзолах, украшенных золо-

тыми кружевами, люди в купеческих кафтанах, во флотских мундирах, даже в простонародных армяках.

Ваня по выработавшейся годами привычке уже открыл было рот, чтобы спросить, кто здесь последний и за кем надо стоять.

Но Углов догадался о его намерении, вовремя толкнул названного брата в бок и прошептал:

– Молчи! Здесь так не принято!

– Но как же мы узнаем, когда наша очередь? – недоумевал Ваня. – Ведь еще, наверно, люди придут, уже после нас!

– Может, и придут, – отвечал руководитель группы. – А спрашивать не надо. Тут, Иван, очереди нет. Хозяин сам определяет, кого первого принять, а кого вообще за дверь отправить.

– А нас он туда не выставит? Смотри, какие тут важные персоны сидят.

– Будем правильно себя вести, не выставит, – не совсем ясно ответил мастер сыскного дела и на дальнейшие Ванины домогательства уже не реагировал.

Ждать им пришлось не слишком долго. Не прошло и получаса, как дверь, ведущая во внутренние покои дворца, приоткрылась, и оттуда вышел молодой офицер, скорее всего, помощник князя.

Быстро оглядев зал и оценив посетителей, он произнес:

– Светлейший князь изволил пробудиться. Однако дела требуют его присутствия в других местах, поэтому приема сегодня не будет. Приходите в пятницу.

Офицер скрылся, а в гостиной поднялся гул. Посетители принялись обсуждать неприятное известие. Поговорив, они один за другим потянулись к выходу.

Однако Углов уходить не собирался.

Меншиков встал до полудня не потому, что выспался. Привычка к раннему подъему не позволила князю слишком долго оставаться в постели. Кроме того, светлейшего ждали важные дела, связанные с возведением на престол Екатерины Алексеевны.

Вчерашнее голосование Сената было лишь первым актом этой драмы. Вторым стало приведение к присяге Екатерине воинских и флотских частей. Этим весь остаток ночи занимались единомышленники князя, канцлер Головкин и вице-канцлер барон Остерман.

Но успокаиваться было еще рано. Следовало привести к присяге всех чиновных и служилых людей, а затем и простой народ. Требовалось организовать достойные похороны великого государя Петра, а затем готовить коронацию императрицы. Все это были дела неотложные.

Вот почему около одиннадцати часов Меншиков проснулся так резко, словно его кто-то толкнул. Он тотчас позвал лакеев и приказал, чтобы они одевали его для выхода.

Потом светлейший князь выпил кофею. Эту привычку, как и раннее пробуждение, он также позаимствовал у Петра.

Князь направился к выходу. В гостиной к нему навстречу неожиданно шагнул вчерашний щеголь со стальными глазами.

– Вы уже приготовили документы, ваше сиятельство? – спросил он.

Князь от неожиданности опешил. Так с ним разговаривали немногие. Человек в щегольском камзоле, имя которого светлейший забыл напрочь, изъяснялся с отменной учтивостью, однако тон его был лишен малейшего подобострастия, оказался исключительно деловым.

Да и какие документы? О чем речь?

Меншиков смутно помнил, как что-то обещал этому дворянину, приехавшему из-за границы. Тот предлагал ему что-то важное, интересное, но вот что именно?

Заморский щеголь словно подслушал мысли светлейшего и в тот же миг пришел ему на помощь.

– Я предлагал вашему сиятельству провести дознание относительно злодеев, которые могли отравить императора Петра, – напомнил он. – Вы это мое намерение поддержать изволили, обещали мне документ изготовить для содействия оному розыску.

– Верно! – вскричал Меншиков. – Правильно говоришь. Я вспомнил! Имя твое тоже. Кирилла Углов ты. Я еще обещал тебя у себя во дворце пристроить. Да, ты еще что-то насчет брата говорил, который с тобой приехал. Где он?

– Иван здесь, со мной, – отвечал Углов.

Ваня тут же выдвинулся из-за спины старшего брата и поклонился.

– Хорошо, идем в кабинет, – заявил князь. – Брат пускай здесь подождет, а мы с тобой пойдем. Скажи вознице, чтобы ждал, – приказал он, повернувшись к секретарю. – И как скажешь, тоже ко мне в кабинет ступай, нужен будешь.

Углов вслед за князем поднялся на второй этаж дворца, поражавшего своим великолепием. Стены кабинета, в который они вошли, были отделаны ореховым деревом. Между окон висели гобелены. По углам стояли аллегорические фигуры из мрамора.

– Садись, – сказал Меншиков. – Вот табак первостатейный, из испанских заморских владений. Попробуй.

– Спасибо, непременно воспользуюсь, – отвечал Кирилл, доставая короткую, но довольно дорогую трубку, специально приобретенную в Англии.

В обычной жизни подполковник Углов не курил. Однако ему предстояло отправиться в эпоху, где эта пагубная привычка была обязательным атрибутом служивого человека, особенно из высших сословий. Такая мода, введенная Петром, укрепились, и противиться ей было нельзя. Поэтому одним из элементов подготовки к заброске в восемнадцатый век для Углова стало приобщение к этой пакости.

Меншиков достал свою трубку с длинным чубуком, чиркнул кресалом, разжег ее, дал прикурить гостю. Оба уселись в кресла и пару минут молчали, окутываясь облаками пахучего дыма.

Тут дверь открылась и вошел давешний секретарь князя.

– Ты, Никита, бери гербовую бумагу, перо и вставай за конторку. Я тебе документ диктовать буду, – обратился к нему Меншиков.

Молодой человек, не говоря ни слова, подошел к высокому шкафчику, достал из ящичков необходимые принадлежности и приготовился к работе.

– Ну и как будем писать? – обратился Меншиков к Углову. – Дан, мол, сей рескрипт служилому человеку Кирилле Углову – каков, кстати, твой чин?

Этот вопрос, как и многие другие, был рассмотрен в период подготовки к заброске. Начальство решило дать Углову тот же самый чин, который соответствовал его званию подполковника.

Поэтому Кирилл Андреевич уверенно ответил:

– При отправке на обучение за границу я имел чин седьмого класса, был надворным советником, ваше сиятельство.

– Намек твой понимаю, – заявил Меншиков. – Хочешь сказать, что теперь, когда ты обогатился изрядным опытом, негоже тебе столь малый чин иметь, к тому же статский.

Тут надо заметить, что согласно петровской Табели о рангах штатские чиновники занимали положение значительно ниже военных, если даже находились с ними в одном классе. В этом сказывалось предпочтение, которое царь-реформатор отдавал военной службе.

– Но я пока не могу твой чин менять, – продолжил Меншиков. – Вот проведешь свой розыск, тогда и посмотрим, какой тебе чин дать: коллежского советника или, скажем, полковника. А может, наоборот, до асессора понизить. Ладно, это я так, шучу. Уверен, что розыск твой будет успешен. Значит, дано сие надворному советнику Углову в том, что он имеет от светлейшего князя Меншикова и канцлера Головкина... Да, Никита, пиши так. Я канцлеру

скажу, он возражать не станет, а бумага важней выйдет. Ага, имеет поручение учинить розыск относительно измены князей Долгоруковых, которые нашего императора Петра извести задумали. Так пойдет?

– Очень хорошо изложено, ваше сиятельство! – похвалил Углов.

Подполковник внимательно изучил по литературе характер своего собеседника, а также нравы той эпохи, в которой он сейчас находился. Кирилл знал, что лесть здесь являлась обязательным элементом общения с вышестоящими персонами. Отказ от нее запросто мог быть сочтен грубостью.

– Все хорошо, я бы только в конце немного поправил, – продолжал надворный советник. – Почему мы только князей Долгоруковых упоминаем? Словно нам все наперед известно и виновник уже найден. На заседании Сената сколько противников у Екатерины обнаружилось! И Голицын, и Репнин, и члены синода поддакивали. Может, там целый заговор имелся? Надо бы всех проверить. Потому я написал бы без имен, таким вот образом: «Надворный советник Углов имеет поручение учинить розыск относительно злодеев, которые нашего императора Петра извести задумали, невзирая на чины их».

– Ты так полагаешь? – Светлейший князь удивился, нахмурился и взглянул на надворного советника так, словно впервые его увидел. – Не пойму я тебя, – признался Меншиков. – Тебе злодея указывают, только бери под белы ручки и допрос ему учиняй. Я уже и государыне шепнул про измену Долгоруковых. Так что тебе позволят арестовать сих вельмож и пытку им учинить. Тут они непременно признаются. Зачем же турусы на колесах разводить, других неведомых воров искать?

– Так меня по английской науке учили, ваше сиятельство, – смиренно ответил Углов. – Самые известнейшие аглицкие сыщики Шерлок Холмс и доктор Ватсон сию премудрость мне преподали. По той науке выходит, что нельзя заранее, до розыска, злодея указать. Так невинного человека можно осудить, а настоящего вора не найти.

– Наука, говоришь? – задумчиво произнес светлейший. – Ну, коли она так велит, то ладно. Только смотри, ежели за ненужными розысками упустишь Михайлу Долгорукова – головой мне ответишь. Не боишься?

– Нет, не боюсь, ваше сиятельство, – отвечал Углов.

– Хорошо, быть по сему, – заявил Меншиков. – Пиши, Никита, как он сказывал. Потом мне зачти.

Секретарь дописал бумагу и прочитал ее. Углов знал, почему светлейший князь не стал смотреть документ сам. Как и предполагали многие историки, Александр Данилович Меншиков так и не удосужился научиться писать и читать и оставался неграмотным.

Выслушав секретаря, князь решительно поставил под документом замысловатую закорючку, скрепил ее печатью и подал готовый рескрипт Углову.

– Вот тебе нужный документ! – сказал он. – Приступай к поиску злодеев немедленно! О результате будешь мне лично докладывать. Да, а насчет покоев для тебя и брата – вот секретарь тебе покажет. Никита, и денег ему дашь. Сам знаешь, где малый кошель лежит. А мне ехать пора, и так задержался сверх всякой меры.

Глава 5

Секретарь Меншикова не только производил впечатление исключительно деловитого и знающего человека. Вскоре выяснилось, что он действительно был таким. Первым делом этот человек отпер бюро, стоявшее в углу, достал оттуда кошелек и вручил его Кириллу.

– Вот, держи, сударь, – сказал он. – На первое время вам с братом должно хватить. Теперь надо думать, где вас разместить. Тебе удобней будет, чтобы в вашем жилище отдельный вход имелся. Через парадное крыльцо не хочешь ходить?

– Да, это было бы самое лучшее, – согласился надворный советник.

– Тогда я вас в западный флигель определяю, – решил секретарь. – Его только на днях отделять закончили, там еще не жил никто.

Они спустились в гостиную, захватили с собой Ваню, все еще томившегося там в ожидании, и через заднюю дверь вышли во двор усадьбы. Мужики уже убрали снег, выпавший за ночь. Двор был совершенно чист. Посреди него торчали ровные ряды посаженных деревьев – основа будущего парка.

– Вон там, подальше, у нас людские, кладовые для припасов, – объяснял секретарь. – Направо – восточный флигель, а налево – ваш, западный. Сейчас я вас туда проведу и все покажу.

– Ты скажи сперва, как тебя зовут, – предложил Углов. – А то неловко.

– Никита Сараев, – отвечал секретарь. – Имею чин двенадцатого класса, поручик. Твое имя мне известно. – Секретарь обернулся к Ване и спросил: – А ты, стало быть, будешь его младший брат?

Ваня представился и рассказал свою легенду.

– А, так ты живописец! – воскликнул Сараев. – Теперь понятно, почему светлейший распорядился тебя при дворце поселить. Он страсть как любит, когда его пишут. У нас во дворце уже четыре парсуны Александра Даниловича имеются, все иноземными мастерами исполнены.

– Вот теперь и Ваня свою работу к ним добавит, – с усмешкой заявил Углов.

Тем временем они дошли до флигеля. Поручик открыл заднюю дверь и стал показывать братьям их комнаты:

– Вот тут твоя, надворный советник, эта для брата твоего. Вот здесь, в большой зале, он может устроить живописную мастерскую. Дальше чуланы для слуг. Кстати, когда они придут?

Углов слегка замялся. Этот вопрос они с Ваней как-то упустили.

– У нас пока слуг нет, – признался он. – Сам понимаешь, мы только что из-за границы прибыли, еще не успели завести все, что нам надо.

– А что же на корабле у вас вовсе ни единого слуги не было? – удивился Сараев. – Кто же вас одевал, платье, сапоги чистил, еду готовил?

– Еду на корабле повар готовит для всех, – объяснил Углов. – А платье нам пришлось самим чистить. Места там мало, слуг с собой взять нельзя. Мы, признаться, так мучились, так страдали из-за этого – слов нет.

– Так нельзя. Это непорядок! – решительно заключил секретарь. – Уже нам, чинам двенадцатого класса, положено слугу иметь, тем более тебе, сударь, да и брату твоему. А то вас за самозванцев каких почитать будут. Опять же, кто готовить станет, убирать? Ежели у тебя, Кирилл Андреевич, своих крепостных нет, чтобы из их числа слугу взять, можно у кого из дворян одолжить на время или нанять вольного человека. Но с этими трудность имеется. Как узнаешь, честный он человек или нет? А ну как вор? Знаешь, что мы сделаем? Я переговорю с нашим управляющим хозяйством, Игнатом Тимофеевичем, и скажу, чтобы он вам двух человек прислал. У светлейшего холопов много, пару легко подыскать можно.

Углов с Ваней переглянулись. Брать к себе во флигель посторонних, которые будут слышать все, во всяком случае, многое из того, что говорят господа, им не хотелось. Тем более это будут люди Меншикова, которые легко могут все пересказать своему хозяину. Но и отказываться, оставаться вовсе без слуг, возбуждать толки по этому поводу тоже было нельзя.

– Конечно, поручик, подыщи нам слуг, – сказал Углов. – А то и правда перед людьми стыдно будет. Ты только постарайся, чтобы они не из болтливых были. Я, по приказу светлейшего, тайное расследование провожу, о том могу с братом и другими людьми беседовать. Не нужно, чтобы эти разговоры до чужих ушей доходили.

– Не беспокойся, ваше высокоблагородие, подыщу тебе молчунов, – сказал Сараев и усмехнулся: – Если не понравятся, обращай ко мне или к управляющему. Он в другом флигеле живет. У него же, у Игната Тимофеевича, спросишь экипаж для выезда. Конюшни и каретные у нас на левом берегу расположены. Сюда, на остров, сам понимаешь, им по летнему времени не добраться. Зимой сани ездят, но лошадей все равно там держим, на левой стороне.

– Экипаж? – переспросил Углов. – Да тут вроде все недалеко, и пешком пройти можно.

– Ты что, мужик какой или бродяга, чтобы ноги мять? – удивился Сараев. – Твой брат еще может пешим образом обойтись, а ты – надворный советник, тебе экипаж положен. Так что смело подходи к управляющему, он не откажет. Ну вот, вроде я все вам показал. Засим счастливо оставаться, – сказал поручик и удалился.

Когда братья остались одни, Ваня в изнеможении рухнул в кресло.

– У меня такое ощущение, что я все утро бревна таскал, – пожаловался он. – Или по минному полю ходил. Все время боюсь ошибку допустить, что-то не то сказать. А теперь еще эти слуги! Ведь им нас подслушать ничего не стоит. Где же тогда разговаривать? Во дворе, что ли?

– Да, трудностей будет много, – согласился Углов. – А чего другого ты ожидал? Знал ведь, куда отправляемся. Разве в Италии у тебя не так было?

– Нет, гораздо легче! – заявил Ваня. – Ведь я там был иностранец, дикий москвит. Какой с меня спрос? Я мог любые ляпы допускать, да и общался в основном с художниками. Мы говорили все больше о живописи. Да и вообще нравы там попроще. А тут на каждом шагу титулы, чины. И в языке нельзя ошибиться.

– Да, нельзя. Надо постоянно за собой следить. Думаешь, мне легче? Ничего, справляюсь. А что касается разговоров, как-нибудь выйдем из положения. Я ведь сюда еще и Игоря приглашать собираюсь. Нам придется часто говорить о делах. Может, будем на это время слуг куда-то отсылать. А если надо друг другу что-то важное сказать, придется прибегать к английскому языку. Что-нибудь придумаем, не раскисай.

– Да я не раскис, просто устал, – заверил Ваня названного старшего брата и спросил, чтобы доказать, что он бодр и готов к работе: – Так с чего мы начнем?

– Не с чего, а с кого, – ответил Углов. – С врачей, конечно. Мы ведь еще там, у нас, это обсуждали. Если допустить, что Петр был убит, то надо будет признать, что сделать это можно было лишь одним способом – отравить царя. Учинить такое мог прежде всего врач. Петра постоянно лечили два доктора – Блюментрост и Бидлоо. Кроме них, во время болезни привлекались еще немец хирург Паульсон и итальянец Аццарити. Вот с ними со всеми и надо побеседовать.

– А кто-то другой разве не мог дать царю яд?

– Мог, конечно. Но другому человеку сделать это было бы куда труднее. Петр до последних часов находился в сознании. Он не взял бы никакого лекарства из чужих рук. Разве что жена...

– А Екатерину ты совсем исключаяешь из числа подозреваемых? Ведь у нее был мотив. У нас на глазах ее провозгласили императрицей вместо Петра, – сказал Ваня.

Углов не спешил отвечать, испытующе глядел на своего младшего брата.

Ваня постоял, что-то припоминая, потом сказал:

– Да, ты прав, что в это не веришь. Я ведь был там, у постели Петра, слышал разговор Екатерины с Меншиковым. Нет, она не притворялась, действительно любила своего мужа и не хотела его смерти.

– Вот видишь! – назидательно произнес Углов. – Нечего всех подряд подозревать, как это делает светлейший князь. Он только и думает, как с нашей помощью Долгоруковых погубить. А у нас задача другая. Нам необходимо установить истину! И спешить тут не следует. Надо дожидаться, пока врачи проведут вскрытие тела покойного и придут к каким-то выводам.

Поздним вечером второго февраля лейб-медик императорского двора Иван Лаврентьевич Блюментрост прибыл из Зимнего дворца. Там он вместе с другими докторами – Бидлоо, Паульсоном, своим братом Лаврентием – исполнял печальную обязанность: проводил вскрытие скончавшегося государя Петра.

Как врач, Иван Блюментрост мог быть довольным результатом этой процедуры, столь ужасающей обычных людей. Она показала полную правоту лейб-медика Блюментроста. Он заранее назвал причины болезни и смерти императора и оказался прав.

Еще там, во дворце, возле стола, где проводилось вскрытие, Иван Лаврентьевич обменялся некоторыми суждениями с коллегами. Они согласились с ним в том, что именно ему, лейб-медику покойного, надлежит писать заключение о результатах вскрытия.

Доктор переодевался в домашнее платье и как раз обдумывал формулировки этого заключения. Одновременно он принимался к соблазнительным запахам, доносившимся из кухни.

Вдруг в дверь опочивальни просунулась голова Тимофея, его старого слуги.

Тут следует заметить, что доктор Блюментрост, конечно же, проживал в Петербурге в Немецкой слободе и носил голландскую фамилию, но родился в Москве. В обиходе он пользовался русским языком и слуг набирал в основном местных, поскольку они были дешевы.

– Ваше благородие, там господин какой-то важный пожаловал, разговора требует, – произнес Тимофей.

– Какой еще важный господин? – недовольно пробурчал медик. – Скажи, что я сегодня никого не принимаю, у меня дело государственной важности. Да и поздно уже.

– Я уже точно так докладывал его милости, – отвечал опытный слуга. – Говорил, что ты, Иван Лаврентьевич, только что из дворца приехал, покойным императором занимался. А он в ответ, мол, и сам оттуда, и дело его касается как раз покойного императора.

Нехорошее предчувствие вдруг возникло в душе доктора Блюментроста. В течение последнего месяца великому императору становилось все хуже. Никакие меры, принимаемые медиками, не помогали. За это время доктору не раз доводилось слышать о подозрениях, возникших у особ, близких к престолу.

Дескать, только ли естественные причины виноваты в том, что император, всегда такой крепкий, вдруг не может справиться с болезнью? Нет ли здесь злого умысла?

Намеки эти высказывали прежде всего светлейший князь Александр Данилович Меншиков и вице-канцлер барон Остерман. Но доносились они и от людей противоположной партии, например от князя Петра Алексеевича Голицына.

Правда, человек, особенно приближенный к Петру – его царственная супруга Екатерина Алексеевна, – никаких упреков врачам не делал и во всем им доверял.

Поэтому, узнав о том, что Сенат провозгласил Екатерину императрицей, доктор Блюментрост вздохнул с облегчением. Он решил, что никаких неприятностей после смерти Петра ему ожидать не приходится. Иван Лаврентьевич уже и с коллегой Бидлоо успел на эту тему переговорить там же, у прозекторского стола. Он встретил в нем человека, мыслящего сходно.

Но ведь мнение государыни императрицы могло и перемениться. В Петербурге имелись люди, которые были способны нашептать ей что-то злое. Не с этим ли связан поздний визит неизвестного господина и его настойчивость?

– А как зовут этого настойчивого посетителя? – спросил Блюментрост.

– Про то он не сказывал, – отвечал слуга. – Говорил только, что прибыл от светлейшего князя Александра Даниловича.

– От Меншикова, значит, – пробормотал лейб-медик. – А может, и нет в этом ничего? Ладно, проси! – приказал он Тимофею. – Да крикни Гришку, пусть поможет мне снова одеться.

Спустя некоторое время лейб-медик вышел в гостиную, где его дожидался посетитель. Человек этот Ивану Лаврентьевичу сразу не понравился. Такие стальные глаза были у людей, служивших в Преображенском приказе у графа Петра Толстого или у генерал-прокурора Павла Ягужинского. От подобных персон в любом случае не приходилось ждать ничего хорошего.

– Приветствую вас, сударь мой, – произнес Блюментрост. – С кем имею честь? Чему обязан столь поздним визитом? Может, тебя недуг какой одолел?

– Надворный советник Кирилл Андреев сын Углов, – представился гость. – Я действительно прибыл по поводу недуга. Только не моего, а покойного императора. Мне поручено произвести дознание и строгий розыск о причинах смерти царя Петра. Могу показать рескрипт на сей счет.

– Не надо, зачем рескрипт, – махнул рукой Блюментрост. – Что ж, милостивый государь Кирилл Андреевич, ты обратился по адресу. Об интересующем тебя предмете я лучше кого иного рассказать могу, потому как только что завершил вскрытие тела покойного государя. Было бы правильно нам с тобой отправиться во дворец, где я показал бы тебе бранные останки императора. Там ты сам мог бы убедиться в правдивости моих слов.

Делая такое предложение, лейб-медик имел свой расчет. Лишь очень немногие из служилых людей могли бестрепетно вынести вид вскрытого трупа. На то требовалась особая сноровка, достигаемая медиками в анатомических театрах. Даже мастера сысского дела, люди суровые, и те тут пасовали.

Иван Лаврентьевич всерьез надеялся, что поздний гость откажется от такого любезного предложения. Затем он покорно выслушает все, что сочтет нужным поведать ему лейб-медик. На этом свидание будет окончено.

Однако вышло иначе. Надворный советник Углов, как видно, был сделан из другого теста.

Он выслушал предложение лейб-медика и спокойно заявил:

– Можно и результаты вскрытия посмотреть, если покойника еще не зашили. Но вначале мне хотелось бы ознакомиться с вашим заключением. У меня нет оснований сомневаться в его правдивости, но пока я не слышал ни слова.

Услышав такой ответ, доктор встревожился еще сильнее. Этот поздний визитер, как видно, был человеком опытным. Такой умник мог подметить малейшее противоречие в рассказе.

– Вообще-то я еще не писал свое заключение, – сказал лейб-медик. – Я как раз собирался это делать, когда ты пришел. Но я могу изложить тебе основное, что войдет в мой отчет. Государь наш Петр в течение жизни своей страдал различными болезнями. В молодые годы у него случались нервные припадки и судороги. Это было следствием ужасных впечатлений, полученных во время известного бунта стрельцов. Мучили государя и боли в желудке, но тут мы успешно применяли лечение водами из разных источников, как наших, расположенных в Олонецкой провинции, так и зарубежных. Последние пять лет императора мучило расстройство мочевого пузыря, на медицинском языке именуемое стриктурой.

– Ну да, у него было сужение мочеиспускательного канала, это мне известно, – заявил ночной гость. – Но ведь вы вставляли ему катетер, моча отходила. Почему же произошло воспаление?

Изумлению доктора Блюментроста не было границ.

– Откуда тебе известно сие, сударь мой? – вскричал он, вскочив со стула. – О том только лейб-медики между собой толковали! Так ты тоже врач, причем весьма сведущий?

– Нет, я не врач. – Углов покачал головой. – Я же тебе сказал: мне поручено провести расследование. А для этого я уже успел кое с кем побеседовать и кое-что узнать. Но не все. Например, я так и не понял, почему болезнь императора приняла такую острую форму. Ведь в последние дни уже никакие средства не помогали, верно?

– Да, так оно и было, – признался Блюментрост. – Он еще ранее, в ноябре, простудился, спасая тонущих матросов возле Лахты. Тогда у него сделалась горячка. Мы втирали ему в грудь топленое гусиное сало, а к вискам пиявки прикладывали. Эти средства помогли, государь пошел на поправку. Но когда на Крещение он вновь простудился, принимая участие в освящении купели, все лекарства стали бесполезны. Воспаление не прекращалось, оно перешло на мочевой пузырь. Мы дважды делали ему операции, удаляли гной, но и тут наши усилия пропали даром. У государя сделался антонов огонь.

– От которого, как ты считаешь, он и умер, – закончил за врача гость. – Но ведь у Петра были и другие симптомы. Например, судороги, а также боли в животе, рвота, частичная потеря зрения, почернение ногтей, онемение рук. Какое отношение все это имеет к мочевому пузырю?

Доктор Блюментрост вновь пораился осведомленности своего гостя, но на этот раз удивления не выказал.

– Да, все эти явления мы наблюдали, – признался он. – Ни я, ни доктор Бидлоо не знали, чему их приписать. Мы полагали, что весь организм больного пришел в расстройство, ничто не работало так, как положено.

– А вам не пришло в голову, что эти явления имеют совершенно другое объяснение? Ведь ты и сам знаешь, о чем говорят все эти симптомы.

– Да, знаю, – прошептал лейб-медик еле слышно. – Это мышьяк. Именно он оказывает такое действие.

– Стало быть, вы могли догадаться, что императора отравили, – заключил Углов. – Отчего же не сообразили? Знаний не хватило? Или смелости? А может, и другая причина была?

– Нет, не было другой причины! – вскричал доктор Блюментрост, догадавшись, куда клонит ночной посетитель. – Никто из нас не желал смерти государя! Мы делали все возможное для его спасения!

– Хорошо, это мы еще проверим, – проговорил надворный советник, поднимаясь. – Но скажи-ка мне вот что. Если государю дали яд, то кто? Ведь доступ к нему имели весьма немногие люди. Могла ли сделать это его царственная супруга или кто-то из докторов?

– Нет! – заявил Блюментрост. – Екатерина Алексеевна горячо любила государя, она не могла сделать ему зла! И мы тоже. Ни я, ни доктор Бидлоо.

– А этот итальянец, который пользовал императора в последние дни? Кажется, Аццарити, так? Или гоф-хирург Паульсон?

– Их я плохо знаю, – отвечал Блюментрост. – Поручиться за них не могу. Знаете, сударь, с кем вам надо на сей счет поговорить? С денщиком покойного императора Матвеем Герасимовым.

– С денщиком? – недоверчиво произнес гость. – Но что может сказать простой солдат?

– Матвей – вовсе не простой солдат, – поправил его Блюментрост. – Он последние десять лет неотлучно находился при императоре и пользовался его полным доверием. В прошлом году государь за беспорочную службу пожаловал Матвею звание поручика, сделал его офицером, то есть потомственным дворянином. Царь также преподнес своему слуге деревню под

Смоленском, разрешил выйти в отставку, уехать в свое владение и спокойно жить там. Однако Герасимов не захотел покинуть государя, остался с ним и выполнял прежние обязанности. Это человек весьма сведущий и наблюдательный, он может многое рассказать.

– Благодарю за содействие, Иван Лаврентьевич, – сказал Углов, идя к двери. – Пиши свое заключение. Только не забудь упомянуть в нем все те симптомы, о которых я говорил.

Глава 6

Утром следующего дня, третьего февраля, к подъезду императорского Зимнего дворца подкатил возок, на дверце которого красовался вензель светлейшего князя Меншикова. Из возка вышли двое: человек средних лет с командирской выправкой, но в партикулярном платье, и юноша, тоже в гражданском.

Войдя во дворец, мужчина постарше спросил у караульного солдата, где ему отыскать царского денщика Матвея Герасимова. Получив нужные указания, посетители направились в самый конец коридора нижнего этажа. Там, в маленькой каморке, они и обнаружили Матвея Герасимова.

Это был человек лет тридцати пяти, высокого роста, одетый в офицерский мундир. Занят он был тем, что укладывал вещи в сундук.

– Здравствуй, Матвей, – сказал старший мужчина. – Я – надворный советник Кирилл Углов. По повелению канцлера Головкина и князя Меншикова провожу дознание о причинах смерти императора Петра. А это мой помощник Иван. Мы хотим тебя расспросить о последних днях жизни государя.

– Что ж, я готов ответить, – сказал Герасимов. – Садитесь, господа. Места у меня, правда, немного, кресел нет.

Углов и Ваня сели на табуреты, хозяин опустился на аккуратно застеленную кровать.

– А ты, я вижу, куда-то собираешься? – спросил Углов.

– Да, я вчера подал прошение об отставке и теперь еду в деревню, которую пожаловал мне государь, – отвечал Герасимов.

– А что ж так? – полюбопытствовал надворный советник. – Мне рассказывали, что Петр Алексеевич еще год назад предлагал тебе уйти на покой, но тогда ты отказался.

– Тогда отказался, потому что находился рядом с великим государем, – отвечал Герасимов. – Да ты сударь, судя по годам твоим, тоже успел послужить при нем и можешь оценить величие сего императора. После него таких людей на троне долго не будет.

– Но преемницей Петра стала его царственная супруга Екатерина Алексеевна, – заметил Углов. – Она обещает продолжить все то, что было начато при ее великом муже.

– Дай-то Господь, чтобы так и случилось, – сказал бывший денщик. – А только прежнего величия, размаха того уже не будет. Потому не нахожу в себе силы служить далее. Пора мне семьей обзавестись, хозяйством заняться. Отставку мою приняли, препятствий не чинили. Или у вашей милости есть возражения?

– Нет никаких. Я просто интересовался, – сказал Углов. – А вопросы у меня к тебе вот какие. Лейб-медик Иван Блюментрост ознакомил меня с результатами вскрытия тела государя и с историей его болезни. Так я узнал, что у императора в последние дни наблюдались те самые симптомы, которые бывают при отравлении. Потому первый мой вопрос такой: как ты считаешь, могло ли случиться, что царь Петр был отравлен?

– Значит, были такие признаки? – переспросил Герасимов. Прежнее угрюмое выражение исчезло с его лица, глаза заблестели: – Вот и я сходно думал! Не мог государь так быстро умереть своею смертью! И потом, ему ведь двадцать второго числа лучше стало. Почему же потом вновь началось воспаление?

– Значит, и ты считаешь, что императора могли отравить, – проговорил Углов. – Теперь самый важный вопрос: кто и как это мог сделать? Подумай, не спеша с ответом.

Бывший денщик не торопился. Он весь ушел в себя, перебирал в памяти один эпизод за другим.

Потом Матвей медленно проговорил:

– Проще всего, конечно, врачам было отраву какую государю подсунуть. Они ж ему много чего давали, могли и яд преподнести. Да только не верится как-то.

– Почему?

– Да не такие это люди, – ответил Герасимов. – Что Иван Лаврентьевич, что Николай Ламбертович Бидлоо. Я ведь их столько лет знал, сколько государю служил. Иван Лаврентьевич императора в Прутский поход сопровождал, по морям с ним плавал. Они столько опасностей вместе пережили!.. Государь его любил, отличал. А доктор Бидлоо сколько всего полезного для государя сделал! Важно, что оба они до денег не жадные. Так отчего бы эти лекари на вражью сторону переметнулись? Нет такой причины.

– Все равно врачи остаются пока под подозрением, – заявил Углов. – Но пойдем дальше. Кто, кроме них, мог отравить государя?

– Да почитай что никто. – Герасимов развел руками. – Императрицу я даже в мыслях оскорбить подозрением не могу. Она государя ой как любила и отравить никак не могла. Если на нее думать, тогда и на себя самого тоже пальцем показать надо.

– Хорошо, тогда я по-другому спрошу. Не кто, а как его могли отравить? Чем?

– Опять же ничем, кроме лекарств. В последнюю неделю Петр Алексеевич ничего не ел. А как отраву дать, если не с едой? Он же... Хотя постой!

Видимо, мысль, пришедшая на память любимому денщику Петра, была такой неожиданной, столь яркой, что заставила его вскочить с кровати. Глаза Матвея заблестели.

– Было такое, чем государь мог отравиться! – воскликнул Герасимов. – Лакомство это из новых будет. Слово забыл... Конфеты, вот!

– Что за конфеты? – заинтересовался Ваня.

С тех пор как они вошли во дворец, он, кажется, в первый раз открыл рот.

– За пять... нет, шесть дней до того, как государь умер, вдруг у него на столике возле кровати появились эти самые сласти, – начал рассказывать бывший денщик. – Стояли они в вазе, вроде китайской. Меня ночью с Петром Алексеевичем не было. С ним оставались императрица и Николай Ламбертович. Я утром прихожу и вижу: Екатерина Алексеевна на кушетке спать изволит – вот тут, за ширмой. На столике конфеты стоят, и государь их ест. Тут я доктора и спрашиваю, откуда, мол, такое угощение? Он отвечает, что ночью приходила какая-то девушка, вроде из дворцовых, и принесла. А государь услышал нас и говорит: «Да, была тут красавица. Как с небес голубь слетел. Она и угощение принесла». Я спрашиваю: «Неужели так хороша?» Государь отвечает: «Чисто ангел. На супругу мою, на Катю похожа». Я тогда значения этому не придавал. Мало ли кто принес. Может, вице-канцлер Остерман передал, он до сладкого охотник, или еще кто из приближенных. А государю конфеты эти полюбились. Он до вечера половину их съел и на другой день тоже брал. А через два дня ему вдруг хуже стало, воспаление началось.

– А куда потом делись эти конфеты? – спросил Углов. – Ведь государь их не все съел?

– Нет, не все, – подтвердил денщик. – Как ему хуже сделалось, он уже ничего в рот не брал. Дня два после того эта вазочка еще стояла. А потом вдруг пропала. Мне бы тогда же следовало этому удивиться. Ведь обычно у государя со стола я все убирал. Но эту вазу не трогал.

– А девушку, похожую на ангела и императрицу Екатерину, ты не видел?

– Нет, девушка та больше не появлялась.

– Выходит, ее, кроме самого Петра Алексеевича, видел только доктор Бидлоо? – спросил Ваня.

– Выходит, что так, – подтвердил Герасимов.

– Нет, не так, – поправил его Углов. – Мы с тобой только что проходили мимо комнаты покойного государя. Там и сейчас, после его смерти, возле двери стоит часовая. Значит, и в

ту ночь, когда приходил этот ангел с конфетами, солдат там был и видел эту девицу. Доктора Бидлоо, как я понимаю, теперь во дворце нет?

– Нет, – подтвердил Герасимов. – Его и в Санкт-Петербурге не сыскать. Он к себе в Москву уехал.

– Ну вот, доктора мы спросить не можем, – сказал Углов. – Зато часовой никуда не делся. Сейчас мы с ним и побеседуем. А тебя, Матвей, я попрошу пока что отложить свой отъезд. Может, мне придется тебя еще о чем-нибудь расспросить. Это ненадолго – на неделю, может, на две. Повременишь?

– Для такого дела повременю, – отвечал бывший денщик.

Углов с Ваней пошли разыскивать дворцового коменданта, чтобы через него познакомиться с часовым. Долго искать его им не пришлось. Не успели они сделать и нескольких шагов, как увидели высокого человека в офицерском мундире, в парике и при шпаге, стремительно идущего им навстречу. Рядом широко шагал, без труда поспевая за офицером, рослый солдат-преображенец.

– В казарме нет, на кухне тоже. В болото он, что ли, провалился, этот ваш Уткин? – услышали гости из будущего грозный возглас офицера.

Интуиция подсказала Углову, что он видит перед собой как раз того человека, который ему в данную минуту был нужен.

– Простите, сударь, не вы ли являетесь комендантом Зимнего дворца? – спросил он.

– Да, я комендант, – ответил офицер. – Капитан Рыбников. С кем имею честь?

– Надворный советник Углов. Я провожу расследование обстоятельств кончины нашего государя Петра Алексеевича. Поэтому мне нужно допросить вашего солдата, который стоял в карауле у спальни императора.

– Хорошо, я найду его, – заявил Рыбников. – Изволь только немного обождать. Мне надобно несколько помещений дворца проверить, и после того я к вашим услугам, милостивые государи.

– А что за срочная проверка? – уточнил Углов. – Чего ищете?

– Не чего, а кого, – отвечал комендант. – Солдат у нас один пропал. Давненько его хватились и по сию пору никак найти не можем.

– Вот оно как... – протянул Углов.

Нехорошее предчувствие кольнуло его.

– А что за солдат? Где он в последний раз службу нес?

– Солдата зовут Василий Уткин, – отвечал Рыбников. – А где он службу нес? Право, не знаю.

Видно было, что вопрос поставил его в тупик. Но тут ему на помощь пришел солдат:

– Я, ваше благородие, могу об том сказать, – заявил он. – Потому как это я Василия сменил на посту возле царской опочивальни.

– А когда это было? – спросил Углов.

– Когда? – Солдат поскреб в затылке. – Да уж давненько. Дней пять тому.

– Да как же пять? – заметил на это комендант. – Василий у нас как раз столько дней назад и пропал. Больше было!

– Да, верно! – воскликнул солдат. – Тогда еще государь Петр Алексеевич живой был. Значит, неделю тому мы с ним на посту стояли.

Теперь уже Углов не сомневался в том, что речь идет о том самом солдате, который был ему необходим. Этот человек и впустил в спальню Петра неизвестную девушку с вазой, в которой лежали сладости.

– Ну-ка, служивые, давайте вместе искать вашего Уткина, – сказал Кирилл. – Как я понял, он мне как раз и нужен. Где вы его до сих пор смотрели?

– Как где? – Комендант пожал плечами: – На кухне, в лакейской. Я было подумал, что у него подружка закадычная среди прислуги завелась. Но там его нет.

– А в дровяном складе искали? – спросил Углов. – В гардеробных? В кладовых, где припасы хранятся?

– С чего бы это он там оказался? – удивился Рыбников. – Прятаться, что ли, от меня решил? С какой стати? За ним проступков никаких не числится.

– Теперь уже числится! – заверил его Углов. – Проступок солдата в том, что он видел слишком много. Он не сам прячется, ему помогают. Ну-ка, где у вас кладовые?

– Загадками изволишь говорить, сударь, – хмуро сказал комендант. – А что касательно кладовых, то внизу они, где и положено. Только у меня от них ключей нету. Они у дворцового домоправителя Фрола Потаповича. Он всем хозяйством заведует.

Некоторое время они потратили на поиски домоправителя. В конце концов тот обнаружился на кухне, где наблюдал за приготовлением обеда. Домоправитель с недоумением встретил требование незнакомого надворного советника о выдаче ключей от кладовых, гардеробных и складов. Но при этом господине был комендант, уважаемый Фролом Потаповичем и разыскивающий пропавшего солдата. Поэтому домоправитель протестовать не стал и ключи выдал.

Сыщики осмотрели кладовые, перешли в гардеробную. Углов один за другим открывал шкафы, где хранились мундиры царя, платья императрицы Екатерины Алексеевны, сундуки с мягкой рухлядью – собольими и песцовыми шубами, горностаевыми жилетками и кафтанам, прочим добром. Он нырял рукой вглубь, старался что-то нащупать. То же самое делал и его спутник, тихий юноша Ваня. Комендант и домоправитель смотрели на все эти действия с явным недоумением.

Во второй комнате всем вдруг почудился странный запах, которого никак не должно было быть в этом месте, где хранилась царская одежда.

– Никак кровью пахнет? – вопросительно произнес капитан Рыбников. – А еще мертвечиной.

Ему никто не ответил.

Ваня направился к сундуку, стоявшему в углу, и откинул крышку. Запах сразу усилился, да так, что все зажали носы. В сундуке, поверх собольих салопов императрицы, лежало скрюченное тело в солдатском мундире. На груди и на шее мертвеца зияли раны. Кровь, вытекшая из них, пропитала всю одежду, хранившуюся в сундуке.

Комендант подошел, перевернул тело и глянул в лицо мертвецу.

– Точно, это он, Васька Уткин, – сказал Рыбников. – Кто ж так его, а?

Глава 7

– Действительно, кто, по-твоему, убил солдата? – спросил Дружинин, когда Углов закончил свой рассказ о событиях в Зимнем дворце.

– Ты слишком многого от меня хочешь, – отвечал надворный советник, он же руководитель оперативной группы. – Если бы я мог ответить на этот твой вопрос, то и все прочие разрешились бы сами собой.

Этот разговор проходил не в апартаментах, которые Углов и Ваня занимали во дворце князя Меншикова, а на частной квартире, которую снял Дружинин в Немецкой слободе. Пожив пару дней на постоялом дворе, инженер, он же майор, понял, что больше таких условий выдержать не может.

Он отправился разыскивать себе жилье и нашел его на улице, которая потом стала зваться Миллионной, в доме корабельного мастера Вайнштуля. Этот человек недавно отстроил новый дом и две комнаты в нем сдавал. Дружинин снял обе, причем с поваром и слугой, а также с правом пользоваться экипажем, и зажил на широкую ногу. Деньги, заработанные в Англии, позволяли ему ни в чем себе не отказывать.

Совещание проходило в доме корабельного мастера. Сей факт снимал проблему с подслушиванием, которая неизбежно возникла бы во дворце Меншикова.

– Ты хочешь сказать, что тот негодяй, который убил солдата, и Петра отравил? – вступил в разговор Ваня Полушкин.

– Но это же ясно. – Углов пожал плечами. – Солдат погиб именно потому, что видел девушку ангельской красоты, принесшую конфеты. Логично предположить, что они были отравлены, поэтому так таинственно исчезли сразу после смерти Петра. Он съел довольно много этих сладостей. У него сразу обострился воспалительный процесс, закончившийся смертью.

– Но если организатор убийства царя хотел скрыть следы, то он должен был бы убить и доктора Бидлоо, который тоже видел девушку-ангела, – заметил Дружинин. – А он, насколько нам известно, жив и здоровствует.

– Так ли это? – сказал Углов. – Денщик Герасимов слышал, что доктор уехал в Москву. Ладно, пусть. Но добрался ли он до места? Может, сейчас где-то на обочине лежит вроде солдата Уткина? Только дорога между Петербургом и Москвой – это не Зимний дворец. Вряд ли мы в таком случае найдем тело.

– Да, ситуацию с доктором Бидлоо надо прояснить, – задумчиво произнес Дружинин. – И если окажется, что до Москвы он не доехал, это будет означать, что загадочная прелестница с конфетами, как эта сладость здесь называется, и есть наш главный подозреваемый. Недаром она так скрывается.

– Нет, не она! – вдруг воскликнул Ваня.

Неожиданная догадка заставила его вскочить с места. Глаза у юного живописца горели.

– Я понял!

– Что именно? – спросил Углов.

– Я знаю, почему преступники так спешили убить солдата, а доктор спасся. Часовой видел не только девушку, но и ее хозяина, пославшего яд царю Петру. Этот человек стоял там, за дверью!

– Откуда ты знаешь? – недоверчиво спросил Дружинин.

– Не знаю. Но я чувствую, что это так. Смотрите, все сходится! Часовой видел человека, который давал девушке последние наставления перед тем, как впустить ее в спальню Петра. Этот тип был известен солдату, потому посланница и смогла войти. Незнакомую девицу преображенец не впустил бы. Сразу после отравления царя барышню убирают, отправляют куда-

то, а то и убивают, как солдата Уткина. А доктора Бидлоо ликвидировать нет нужды. Ведь он организатора не видел!

Углов с Дружининым переглянулись.

– Да, в этом что-то есть, – согласился руководитель группы. – Все логично. Но тогда встает такой вопрос: кто же мог быть этим кукловодом?

– Кто-то из ближайших соратников Петра, – ответил Дружинин. – Остерман, Головкин, Апраксин, Ягужинский. Это все люди, преданные царю. Но у каждого из них мог быть какой-то свой мотив желать его смерти. Скажем, грозящее понижение по службе или разоблачение каких-то махинаций. А таковых при дворе Петра хватало. Ну и, конечно, желать смерти императора мог князь Долгоруков, которого так хочет допросить Меншиков. В любом случае это был человек, вхожий во дворец.

– Долгоруков, – задумчиво произнес Углов. – Да, не избежать нам допроса князя Михаила. Ну, эту работу я возьму на себя. Мне ее, можно сказать, светлейший князь Меншиков лично поручил. Кроме того, я постараюсь встретиться с императрицей Екатериной Алексеевной. Вдруг она видела девушку с конфетами? Да и вообще ближайшая сподвижница Петра, спутница его жизни может многое рассказать.

– И что, ты думаешь, тебе удастся с ней повидаться? – недоверчиво спросил Дружинин.

– Что наш покойный государь говаривал? Храбрость города берет. Вот я и попробую. Ну, может, еще Ваню привлеку.

– Про храбрость не Петр говорил, а Суворов, – заметил Дружинин. – И случилось это гораздо позже.

– Для нашего расследования оно совершенно неважно. А тебе, чтобы не умничал, вот какое поручение: отправиться в Москву и выяснить судьбу доктора Бидлоо. Жив ли голландец? А если так, то видел ли он девушку с конфетами? Может ли ее описать? Так что надо ехать в Первопрестольную и встречаться там с доктором.

– Понятно. – Инженер усмехнулся: – Путешествие из Петербурга в Москву за семьдесят лет до Радищева, который первым описал этот путь. Что ж, даже интересно. Когда прикажете отправляться, ваше высочородие?

– Да завтра и отправляйся, чего тянуть, – сказал Углов. – Я тебе у Меншикова могу транспорт попросить. Поедешь в княжеском экипаже, с гербом!..

– Нет уж, лучше я у своего мастера Вайнштуля сани найму или куплю, – отвечал Дружинин. – Зачем светлейшему князю знать обо всех направлениях нашего расследования? Да и о составе группы тоже. Во многом знании много печали. Так говорит Библия.

– Что ж, пожалуй, тут ты прав, – согласился Углов.

На следующий день императрица Екатерина Алексеевна должна была посетить петербургскую верфь, где второй год строился стопушечный линейный корабль «Петр Первый и Второй», самый мощный в русском флоте. Этот визит императрицы имел весьма важное значение. Он был призван разрешить конфликт, возникший между русским кораблем Федосеем Скляевым и англичанином Броуном, которому адмиралтейство хотело передать руководство строительством корабля. Ранее этим занимался сам Петр Алексеевич.

Интерес Екатерины к флоту был вовсе не показным и возник не вдруг. О том, что супруга императора принимает нужды русского флота близко к сердцу, было известно давно, с первых дней ее появления в Зимнем дворце. Екатерина не пропускала ни одного флотского парада, спуска нового корабля на воду, ни единого плавания Петра. Какая бы ни была погода, царица неизменно появлялась рядом со своим царственным супругом. Она не просто смотрела, а подробно обо всем расспрашивала: как устроен корабль, чем отличается от других, кто строил, сколько пушек несет.

Незадолго до полудня карета императрицы остановилась возле верфи. Екатерина в сопровождении президента Адмиралтейств-коллегии адмирала Петра Сиверса, канцлера графа Головкина, светлейшего князя Меншикова и других придворных приблизилась к строящемуся кораблю.

Огромный линкор был готов примерно наполовину. Он производил внушительное впечатление и своими огромными шпангоутами, напоминавшими гигантские ребра, был похож на скелет какого-то доисторического чудовища.

Возле строящегося корабля императрицу ожидали участники конфликта – Федосей Склеяев и Ричард Броун.

– Ну, рассказывайте, с чего это между вами такая ссора учинилась? – спросила императрица. – Говори ты, Федосей. Я тебя вон сколько лет знаю, ты всегда был мужик тихий да работающий. У голландцев многому учился, у англичан тоже. И вдруг господин адмирал мне докладывает, что ты английского мастера на верфь не пускаешь и бумаги ему не даешь. Почто так делаешь?

– Государыня императрица! – воскликнул Склеяев, худенький белокурый мужичок в простом кафтане. – Я супротив иноземных мастеров ничего не имею. Но ведь ты сама знаешь, что я с государем нашим Петром Алексеевичем всю работу делал с самого начала. Император мне во всем доверял. Я знаю, как достроить сей корабль. Зачем же сейчас иноземца приглашать? Ведь мы – я и мои помощники – сами все сделать можем. Получится, что русские всегда у иноземцев в подмастерьях ходить будут. Негоже это!

– Вон как... – протянула Екатерина, внимательно глядя на Склеяева. – И что же, ты сам сможешь все закончить, и оснастить сей корабль, и на воду его спустить?

– Смогу, матушка императрица, вот тебе крест! – заверил мастер и широко перекрестился.

– И сколько же времени тебе потребуется на то, чтобы завершить работу? – продолжала допытываться Екатерина.

Склеяев оглянулся на наполовину готовый остов корабля, словно ища у него подсказки, почесал в затылке и заявил:

– А через годик с небольшим, ваше величество, весь готов будет.

Екатерина некоторое время смотрела на него с непонятным выражением, потом сказала:

– Вот и Петр Алексеевич мне тоже рассказывал, что стопушечный линейный корабль «Петр Первый и Второй» в двадцать седьмом году закончен будет. Стало быть, правду ты говоришь. Ладно, пусть по-твоему будет. Ты этот корабль начал, тебе его и заканчивать. – Тут императрица обернулась к Сиверсу и продолжила: – А ты, адмирал, англичанина своего в другом месте употреби. Мне государь Петр говорил, что нам каждый год два корабля на верфях закладывать надобно. Вот и приставь сего Ричарда Броуна к другой стройке.

Решив спорный вопрос, Екатерина прошла вокруг строящегося корабля, задала Склеяеву несколько вопросов, показывавших хорошее знание дела, и собралась уходить. Тут к государыне неожиданно подошел какой-то дворянин в изящном камзоле иноземного покроя и коротком парике. Никто из свиты императрицы этого человека ранее не видел. Только светлейший князь Меншиков узнал в нем своего протеже, надворного советника Кирилла Углова.

Незнакомец представился императрице как положено, а затем негромко произнес:

– Прошу дозволения побеседовать с вами, государыня, относительно кончины императора Петра Алексеевича. Ибо имею приказ от светлейшего князя Александра Даниловича да от канцлера Головкина учинить дознание о сем горестном деле.

– Ты ведешь следствие о смерти императора? – спросила Екатерина. – Но что ты хочешь узнать? Доктора мне сказали, что государь скончался от антонова огня.

– Да, я беседовал с доктором Блюментростом, – сказал Углов. – Но у меня и светлейшего князя есть подозрения, что некие злодеи могли ускорить болезнь государя с помощью яда. Я хочу узнать, так ли это. Дозволите с вами побеседовать?

– Хорошо, садись со мной в карету, – сказала государыня.

Надворный советник сопроводил Екатерину до экипажа, как истинный кавалер помог даме сесть, затем устроился и сам.

Когда карета тронулась и ее колеса загрохотали по деревянной мостовой, он наклонился чуть вперед, чтобы Екатерина могла лучше его услышать, и сказал:

– Царский денщик Матвей Герасимов говорил мне, что незадолго до смерти государю была поднесена ваза с конфетами. Император в те роковые дни почти не принимал пищу, но те сласти ел охотно. Верно ли денщик рассказывал?

– Да, верно. – Екатерина кивнула. – Была такая ваза с конфетами. Я их, правда, не пробовала, не до того было, а государь ел. Мы с доктором Иваном Лаврентьевичем обрадовались, что он хоть что-то ест.

– Далее Матвей рассказывал, что конфеты те принесла некая девица зело приятного облика. Петру Алексеевичу она понравилась. А вы, государыня, не видели ли ту девицу?

– Как же, видела, – сказала Екатерина и усмехнулась: – Лицом бела и весьма смазлива. Петр Алексеевич мне заявил, что она на меня похожа. Ну, это он обозначился. Ничего такого в ней нет. Она скорее на черкешенку смахивает или на турчанку, хотя и бела. А что Петру глянулась, так это не диво. Ему многие нравились. Сколько их, молодых да смазливых, у него в постели перебывало! Я бы с ума-разума сбилась, кабы считать задумала. Да только я их и в уме отродясь не держала. Потому как государь всегда после очередной юбки ко мне возвращался и говорил: «Лучше тебя, Катенька, свет мой, нет никого». Вот так-то!

Еще готовясь к заброске в Петровскую эпоху, Углов много чего прочел об отношениях императора и Екатерины, сперва его наложницы, а затем и законной супруги. Знал он и о любви, которую царь питал к жене.

Правда, все эти книжки затруднялись определить, в чем же заключались сильные стороны этой уроженки Ливонии. Она не была красавицей, не блистала глубоким умом, не пела. Историки упоминали только о легком нраве императрицы да о том, что благодаря такому характеру она одна умела успокаивать приступы дикого гнева, случавшиеся с царем. Екатерина могла и снимать головную боль, терзавшую императора.

И вот теперь, сидя в карете рядом с этой женщиной, Углов наконец-то почувствовал, в чем именно заключалась легкость нрава императрицы. Это было вовсе не фривольное поведение в понимании нашего века, не распущенность. Екатерина была наделена умением понимать людей, а также незлобивым характером, тактом и большим женским обаянием. Все это позволяло ей очаровывать тех людей, с которыми она общалась.

Вот и надворный советник, человек, обычно довольно равнодушный к женщинам, вдруг поймал себя на мысли о том, что ему нравится находиться в обществе императрицы. Кириллу хотелось говорить с ней еще и еще, и вовсе не об отравлении ее мужа. Мало того, Углов вдруг почувствовал, что и он чем-то интересен Екатерине. Она тоже не отказалась бы продолжить их общение.

Однако надворный советник был прежде всего человеком долга.

А потому, когда в окошке мелькнул фасад царского дворца и карета остановилась, он отбросил все ненужные, по его мнению, мысли и произнес:

– Благодарю, государыня императрица, что соизволили со мной побеседовать. Для моего дознания сие весьма важно.

– И мне с тобой было интересно, – сказала Екатерина. – Как, говоришь, тебя величают – Кирилл Углов? Я понимаю, ты служивый человек. Так иди и исполняй свою службу. А когда

закончишь, можешь прийти ко мне во дворец. Я скажу слугам, чтобы для тебя двери были открыты. Ну, прощай.

Она протянула надворному советнику руку для поцелуя. Он припал к ней. Тут слуга открыл дверцу со стороны императрицы. Она стала спускаться, Углов тоже вышел.

Екатерина направилась к двери, но вдруг повернулась к Углову, все еще стоявшему возле кареты, и сказала:

– Да, я тут вот что вспомнила. Я ту девицу, о которой ты спрашивал, всего раз видела, да и то мельком. Тогда все мысли мои были о государе, некогда было о ней думать. Но потом в какой-то день я о ней вспомнила и сообразила, что эту смазливую рожицу раньше уже где-то видела. Но где? Никак не припомню. Кажется, в доме у кого-то из вельмож. Но вот у кого?..

Глава 8

В тот час, когда надворный советник Углов беседовал с императрицей, мастер инженерных дел Игорь Дружинин уже выехал из Петербурга и оставил позади первые полсотни верст. Он лежал в санях, закутанный в тулуп, и из-под собольей шапки оглядывал поля и перелески, проплывающие мимо.

Инженеру было тепло и удобно. Путешествие, которое в Петербурге казалось ему тяжелым испытанием, оборачивалось приятным приключением.

«Однако мне надо благодарить судьбу за то, что император скончался зимой, а не летом, — размышлял Дружинин. — В противном случае мое путешествие протекало бы совсем иначе».

Об этом ему рассказывал ямщик, с которым он выехал из столицы.

— Летом дорога худущая, — говорил тот. — Сперва грязь да пыль, а потом вдруг болота. А еще пни кругом, прямо под колеса лезут. Опять же, броды. Ежели дождь пройдет, то в иной из них и соваться нельзя — потонешь.

— Зачем же броды? — удивился Дружинин. — А мосты на что?

— Мосты? — удивился ямщик. — Откуда же они возьмутся-то? На главных реках — да, там точно мосты имеются. А на мелких, да вдали от деревень нет никаких. Вот зимой — другое дело. Теперь катишь славно да гладко! Речек ничуть не боишься, везде лед. Нынче езда славная! Летом шесть, а то и семь ден до Москвы ехать надо. А сейчас я тебя, соколик, за четыре дня домчу. А ежели рубль от щедрот своих положишь, то и за три.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.